

мнение

ВКурсе - первый журнал ВКонтакте

Гоблин о милиции

стр 6

понять прошлое

Александр Рудаков

Отчуждение от истории

стр 8

Точка ру

№12
(48)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

размышления о моменте

Новый учебный год: старые и новые инициативы власти

Образование в последние 20 лет превратилось в одну из наиболее реформируемых сфер общественной и государственной жизни. Целенаправленная коммерциализация, ЕГЭ, следование болонской системе, попытки перевести школы, наряду с прочими госучреждениями, на самостоятельное финансирование, сокращение преподавательского состава — чем могут обернуться подобные инициативы для России и каков истинный смысл этих преобразований? На эти и другие вопросы отвечают эксперты Центра проблемного анализа.

В. Э. Багдасарян: Образование представляет собой один из базовых кирпичиков цивилизации. Если цивилизационно-идентичные школы существуют, то имеются и основания для восстановления других компонентов цивилизационного бытия. Если возможность транслировать социальный опыт отсутствует, цивилизация при прочем общем благополучии в итоге погибнет. Деградация образования как парадигма снижения квалификационных потенциалов населения представляет угрозу национальной безопасности России. Такая

постановка вопроса не является чем-то беспрецедентным в мировой практике. Достаточно с этой целью обратиться к опыту США. Сама за себя говорит формулировка принятых в разное время американских федеральных законов: «Об образовании в целях национальной обороны», «Об образовании в целях укрепления экономической безопасности», «О национальных целях образования». К сожалению, российская власть не соотносит образовательный процесс с категорией национальной безопасности.

стр 4

реанимация истории

Игорь Пыхалов

Правда и ложь о советских военнопленных

Одним из стереотипов, незойливо внедряемых в общественное сознание, стал миф о судьбе советских военнопленных после их освобождения из немецкого плена. «Демократические» историки и публицисты рисуют некую душераздирающую картину, как бывшие советские военнослужащие, освобожденные из немецких концлагерей, чуть ли не поголовно отправлялись в колымские лагеря или, как минимум, в штрафбаты.

стр 2

экономика

Маринэ Восканян

Зомбиленд

Почему в экономических моделях принято считать человека примитивным существом, озабоченным лишь личной выгодой? В середине 1980-х годов американские психологи провели эксперимент: группа испытуемых была поделена на пары, где одному из участников выдавалось 20 долларов, которыми можно было либо поделить с партнером, отдав ему половину, либо оставив себе 18, а ему отдав 2 доллара.

стр 3

три революции

Дмитрий Лысков

Часть 2. ЦАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Глава 8. Холодная гражданская война

Политическую точку в революции 1905 года поставил указ Николая II от 3 июня 1907 года (т. н. «Третьеиюньский переворот»), окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный. На парламентаризме в России — в

классическом его понимании — был поставлен крест. Этап революции сменился этапом реакции. Но сами революционные события мало зависели от политических решений, продолжая неравномерно развиваться вплоть до начала Первой мировой войны.

Ни один из вопросов, по-

ставленных революцией, не был разрешен. В стране вспыхивали крестьянские волнения, бастовали заводы и фабрики. Это уже не были массовые единовременные выступления, благодаря чему складывалось впечатление о бунте, пошедшем на спад.

Но стоило правительству

затронуть принципиальную проблему, «болеу точку» общества, сопротивление возникало вновь. Так было с попыткой Столыпина решить аграрный вопрос. Расстрел войсками бастующих рабочих на приисках Лены в 1912 году (пострадало более 500 человек) был встречен массовыми забастовками

протеста по всей России. Достигнутое к 1908–1913 гг. равновесие больше походило на противостояние противников, не решающихся первыми нажать на курок. В событиях 1905 года армия ярко продемонстрировала, на чью сторону она может встать.

стр 7

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@rossii.ru

Игорь Пыхалов

Правда и ложь о советских военнопленных

Вообще-то, элементарный здравый смысл подсказывает, что военнопленные, вернувшиеся из плена, должны быть подвергнуты проверке органами контрразведки – хотя бы потому, что среди них заведомо имеется некоторое количество вражеских агентов. Немцы активно использовали этот канал для засылки своей агентуры. Вот что писал по этому поводу в своих мемуарах В. Шелленберг:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

Таким образом, создание в конце 1941 года по приказу наркома обороны № 0521 фильтрационных лагерей для проверки освобожденных из плена было насущной необходимостью.

Проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы:

1-я – военнопленные и окруженцы;
2-я – рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности;

3-я – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Но, может быть, из фильтрационных лагерей бывших пленников действительно скопом гнали на Кольму? Рассмотрим опубликованные на эту тему архивные данные.

По сведениям, приведенным сотрудниками «Мемориала» А. Кокуриным и Н. Петровым в журнале «Свободная мысль», на 1 марта 1944 года через органы НКВД прошли проверку 312.594 бывших военнопленных Красной Армии, побывавших в плену или в окружении. 75,1% бывших пленников благополучно прошли проверку и были направлены кто в армию, кто в народное хозяйство, кто на лечение. Еще 0,6% умерли, что не удивительно, если учесть условия жизни в немецких концлагерях, откуда их освободили. Подверглись же репрессиям (арестованы или отправлены в штрафбаты) всего 6,2% бывших пленников.

Внимательный читатель наверняка уже заметил, что перечисленные выше категории охватывают не все количество бывших пленников. Судьба 56.403 военнопленных (18,1%) не указана. Впрочем, можно быть уверенным, что эти люди отнюдь не затерялись в бескрайних просторах Сибири – демократическая совесть авторов не позволила бы им замолчать такой призрачный факт. Скорее всего, эти 56.403 человек просто к тому времени еще не прошли проверку и продолжали находиться в спецлагерях. Правда, здесь же Кокурин и Петров пишут, что проверку в спецлагерях НКВД на тот момент прошло 75.314 человек. Но не будем требовать от них слишком многого – люди, пустившие и поддерживающие миф о десятках миллионов жертв сталинских репрессий, просто обязаны страдать патологическим незнанием арифметики.

Почти одновременно те же самые сведения привел и А. В. Меженко в «Военно-историческом журнале»:

В отличие от А. Кокурина и Н. Петрова, у А. Меженко концы с концами сходятся, кроме того, он указывает архивный источник, откуда взял свои данные.

Итак, на март 1944 года проверку НКВД прошли 256.200 бывших пленников. Из них:

- благополучно прошли проверку – 234.863 (91,7%);
- направлены в штрафбаты – 8.255 (3,2%);
- арестованы – 11.283 (4,4%);
- умерли – 1.799 (0,7%).

Подобное соотношение сохранялось и к осени 1944 года. Приведем отрывок из документа:

Справка о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.

1. Для проверки бывших военнопленных Красной Армии, находящихся в плену или окружении противника, решением ГОКО №1069сс от 27.XII-41 г. созданы спецлагеря НКВД.

Проверка находящихся в спецлагерях военнопленных Красной Армии проводится отделами контрразведки «СМЕРШ» НКВД при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы).

Всего прошло через спецлагеря бывших военнопленных Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, 354.592 чел., в том числе офицеров 50.441 чел.

2. Из этого числа проверено и передано:

а) в Красную Армию – 249.416 чел.

в том числе:

в воинские части через военкоматы 231.034 чел.;

из них – офицеров 27.042;

на формирование штурмовых батальонов – 18.382;

из них – офицеров 16.163;

б) в промышленность по постановлениям ГОКО – 30.749 чел.;

в том числе - офицеров 29;

в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей – 5.924 чел.

3. Арестовано органами «СМЕРШ» – 11.556 чел.;

из них агентов разведки и контрразведки противника – 2.083;

из них – офицеров (по разным преступлениям) 1.284.

4. Убыло по разным причинам за все время – в госпиталях, лазаретах и умерло 5.347 чел.

5. Находится в спецлагерях НКВД СССР в проверке 51.601 чел.

в том числе – офицеров 5.657.

Из числа оставшихся в лагерях НКВД СССР офицеров в октябре формируются 4 штурмовых батальона по 920 человек каждый.

Практически такие же цифры приводит в своей книге «Тринадцать «железных» наркомов» и В. Ф. Некрасов:

«В соответствии с постановлениями ГКО от 27 декабря 1941 г. и СНК СССР от 24 января 1944 г. все бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии через сборно-пересыльные пункты поступали в спецлагеря НКВД на проверку, откуда проверенные передавались для отправки в Красную Армию через военкоматы, частично на работу в промышленность, а частично и арестовывались органами «Смерш». Так, к 20 октября 1944 г. в такие спецлагеря НКВД поступило 354.590 человек, из них после проверки возвращено в Красную Армию 249.416, находилось в стадии проверки 51.615, передано в промышленность и охрану 36.630, арестовано органами «Смерш» 11.566, убыло по разным другим причинам, в том числе в госпитали Наркомата обороны, и умерли 5.347 человек».

Поскольку в «Справке» приведены более подробные данные, чем у В. Некрасова, проанализируем именно их. Итак, судьбы бывших военнопленных, прошедших проверку до 1 октября 1944 г., распределяются следующим образом:

Поскольку в процитированном выше документе для большинства категорий указывается также и количество офицеров, подсчитаем данные отдельно для рядового и сержантского состава и отдельно для офицеров:

Таким образом, среди рядового и сержантского состава благополучно прошло проверку свыше 95% (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных. Нескольким иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось из них меньше 3%, но зато с лета 1943 до осени 1944 года значительная доля направлялась в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны. И это вполне понятно и оправданно – с офицера спрос больше, чем с рядового.

Кроме того, надо учесть, что офицеры, попавшие в штрафбаты и искупившие свою вину, восстанавливались в звании. Например, 1-й и 2-й штурмовые батальоны, сформированные к 25 августа 1943 года, в течение двух месяцев боев показали себя с отличной стороны и приказом НКВД были расформированы. Бойцов этих подразделений восстановили в правах, в том числе и офицеров, и затем отправили воевать далее в составе Красной Армии.

А в ноябре 1944 года ГКО принял постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. В их числе оказалось и более 83 тысяч офицеров. Из них после проверки 56.160 человек было уволено из армии, более 10 тысяч направлены в войска, 1.567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15.241 переведены в рядовой и сержантский состав.

Итак, после знакомства с фактами, в том числе и опубликованными заведомыми антисталинистами, миф о трагической судьбе освобожденных советских военнопленных лопается как мыльный пузырь. На самом деле вплоть до конца войны подавляющее большинство (свыше 90%) советских военнослужащих, освобожденных из немецкого плена, после необходимой проверки в спецлагерях НКВД возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Незначительное количество (около 4%) было арестовано и примерно столько же направлено в штрафбаты.

После окончания войны началось массовое освобождение советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны. Согласно директиве Ставки №11086 от 11 мая 1945 г., для приема репатрируемых советских граждан, освобождаемых войсками союзников, наркоматом обороны было организовано 100 лагерей. Кроме того, действовало 46 сборных пунктов для приема советских граждан, освобожденных советскими войсками.

22 мая 1945 г. ГКО принял постановление, в котором по инициативе Л. П. Берии устанавливался 10-дневный срок регистрации и проверки репатриантов, после чего гражданские лица подлежали отправке к месту постоянного жительства, а военные – в запасные части. Однако в связи с массовым наплывом репатриантов 10-дневный срок оказался нереальным и был увеличен до одного-двух месяцев.

Окончательные итоги проверки советских военнопленных и гражданских лиц, освобожденных после войны, выглядят следующим образом. К 1 марта 1946 г. было репатрировано 4.199.488 советских граждан (2.660.013 гражданских и 1.539.475 военнопленных), из них 1.846.802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2.352.686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран.

Таким образом, из военнопленных, освобожденных после окончания войны, репрессиям подверглись лишь 14,69%. Как правило, это были власовцы и другие пособники оккупантов. Так, согласно инструкциям, имев-

шимся у начальников проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду:

- руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций;

- рядовые полицейские и рядовые участники переносных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;

- бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника;

- бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов;

- сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

Какой же была дальнейшая судьба этих попавших в руки НКВД «борцов за свободу»? Большинство из них было объявлено, что они заслуживают самого сурового наказания, но в связи с Победой над Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от уголовной ответственности за измену Родине, и ограничилось отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет.

Такое проявление гуманизма явилось для пособников фашистов полной неожиданностью. Вот характерный эпизод. 6 ноября 1944 года в Мурманск прибыли два английских корабля, на борту которых находилось 9.907 бывших советских военнослужащих, сражавшихся в рядах немецкой армии против англо-американских войск и взятых ими в плен. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнопленных на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Поэтому многие «пассажиры» ожидали, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Всего в 1946-1947 гг. на спецпоселение поступило 148.079 власовцев и других пособников оккупантов. На 1 января 1953 года на спецпоселении оставалось 56.746 власовцев, 93.446 были освобождены в 1951-1952 гг. по отбытии срока.

Что же касается пособников оккупантов, запятнавших себя конкретными преступлениями, то они были направлены в лагерь ГУЛАГа, составив там достойную компанию Солженицыну.

Пару слов следует сказать и о бывших советских военнопленных, зачисленных в рабочие батальоны. Многие недобросовестные исследователи и публицисты включают их в разряд репрессированных. Между тем это совершенно не так.

В 1945 году после увольнения в запас красноармейцев тех возрастов, на которые распространялся приказ о демобилизации, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Вполне естественно и справедливо, что остальных военнопленных, сверстники которых продолжали служить в армии, следовало восстановить на военной службе. Однако война уже кончилась, и теперь стране были нужны рабочие, а не солдаты. Поэтому в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. часть из них была зачислена в рабочие батальоны.

По директиве Генерального Штаба вооруженных сил СССР от 12 июля 1946 г. эти батальоны, являвшиеся аналогом современных стройбатов, были расформированы, а их личный состав получил статус «переведенные в постоянные кадры промышленности». По Постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий и строков. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место работы.

В 1946-1948 гг. из Красной Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов. Соответственно, их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, получили разрешение вернуться в места, где они жили до войны.

Подведем итоги. Как мы могли убедиться, из военнопленных, освобожденных во время войны, подверглось репрессиям менее 10%, из освобожденных после войны – менее 15%, причем большинство «репрессированных» вполне заслужило свою участь. Имелись и пострадавшие безвинно, но это было исключением из правил, а отнюдь не правилом.

В заключение – пара слов о моральной стороне вопроса. Вообще говоря, добровольная сдача в плен – позорный поступок, независимо от того, карается он Уголовным кодексом или нет. И поэтому объявлять бывших военнопленных героями – значит глумиться над памятью тех советских солдат и офицеров, которые предпочли умереть, но не сдать.

Маринэ Восканян Зомбиленд

Как ни странно, три четверти участников поделили деньги поровну, хотя могли без всяких проблем забрать себе большую часть. Более того, в продолжение эксперимента, с теми, кто «пожались», большая часть группы дела имеет вообще не забота.

В 1990-е годы россиян призывали отказаться от использования дачных участков в качестве подсобных хозяйств, пытались привить россиянам рыночное поведение. Простой расчет показывал – городскому населению невыгодно тратить время и силы на выращивание овощей и фруктов, гораздо выгоднее потратить это время на дополнительный заработок, а затем купить все необходимое в магазине. Дачное подсобное хозяйство убыточно с точки зрения чистого экономического расчета. Но большинство россиян этот факт не останавливает.

Можно привести десятки подобных примеров как из реальной жизни, так и из экспериментальных ситуаций. Люди далеко не всегда совершают экономически значимые действия как рациональные эгоисты.

ПРОЦЕ НАДО БЫТЬ

Конечно, и в приведенных примерах есть своя логика – внутри небольшого коллектива невыгодно (да и психологически неприятно) быть конкурирующим эгоистом, никто просто не станет с тобой иметь дела, а дачный участок, убыточный 20 лет подряд, может в прямом смысле спасти жизнь в ситуации продуктового дефицита и внезапного экономического кризиса. На принятие подобных решений оказывают влияние не только холодный эгоистический расчет, но и эмоции, культурные и моральные установки, психологические особенности мышления. Однако роль культурных и моральных установок людей в экономических поступках, к сожалению, до сих пор не является предметом серьезного научного изучения.

Удивительный, но неоспоримый факт: со времен Адама Смита и по сей день в большинстве экономических теорий и математических моделей, несмотря на их чрезвычайную сложность, в качестве субъекта, принимающего экономические решения, выступает предельно примитивная «модель человека», известная как Homo Economicus.

«Экономикус» обладает четырьмя главными качествами:

1. Он действует на конкурентном рынке, что предполагает его минимальную взаимосвязь с другими экономическими людьми. «Другие» – это конкуренты.

2. Экономический человек рационален с точки зрения механизмов принятия решений. Он способен к постановке цели, последовательному ее достижению, расчету издержек в выборе средств такого достижения.

3. Экономический человек обладает полной информацией о той ситуации, в которой он действует.

4. Экономический человек эгоистичен, то есть он стремится к максимизации своей выгоды.

Именно эти допущения приводят к тому, что экономическое поведение рассматривается как область, свободная от всего «человеческого». Будто бы занимаются бизнесом, играют на бирже, работают и совершают покупки не те же самые люди, которыми движут всевозможные мотивы (стремление быть в безопасности, тщеславие, азарт, потребности в любви и уважении, зависть...), а какие-то абстрактные роботы. И главное – будто бы в своих поступках эти люди вообще не руководствуются своими представлениями о том, что хорошо, а что плохо!

Не нужно обладать никаким специальным знанием, чтоб разглядеть очевидную «натянутость» каждого пункта. Люди крайне редко действуют индивидуально эгоистически. Даже самый жестокий и хладнокровный человек делит людей на своих и чужих, применяя к этим группам совершенно разные правила. А любое действие «в интересах группы» уже отличается от чистой конкуренции всех со всеми.

Пункт 2 о рациональности всех поступков опровергается все историей человечества, которая полна роковых просчетов, стоивших жизни миллионам людей. Даже самые опытные военные стратеги и государственные деятели постоянно делают ошибки как в постановке целей, так и методах их достижения. Что уж говорить об обычных людях или среднестатистических бизнесменах.

Аргумент о полноте информации вообще наиболее одиозен. Человек практически никогда не владеет всей полной информацией о том, что происходит вокруг. Если же говорить о ситуации информированности в чисто экономических ситуациях – будь то биржевая игра или корпоративные интриги, – то возможности для доступа к информации у крупных и рядовых игроков просто несравнимы.

Максимизация личной выгоды – тоже не единственная распространенная стратегия не только среди людей, но и в живой природе. Хотя мы и привыкли использовать выражение «как в джунглях» в качестве синонима безжалостной борьбы за выживание, ученым давно известно множество примеров, когда для этого самого выживания стаи или вида

конкретными животными используются стратегии альтруизма. Нет необходимости даже обращаться к примерам среди высших животных, достаточно взглянуть на любой муравейник.

Одним словом, не все так просто.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Чтобы лучше понять, откуда взялась в экономической науке вся эта современная «занимательная механика» вместо целостного представления о человеке, нужно присмотреться к тому, когда возникли первые теории экономического поведения. С XVIII века идеи прогресса и просвещения начинают завоевывать умы европейцев. На фоне мистики и суеверий идеи торжества разума и материальности мира, который можно изучить до конца с циркулем, микроскопом и пробиркой, – захватывают и перспективны. С точки зрения ученых того времени, человек – это сложное механическое устройство, которое умеет лишь ощущать и думать. Стало модно считать человека существом, которым руководят природные инстинкты, стремление к выгоде и удовольствию и страх лишений и огорчений.

Столь же рациональны и эгоистичны люди и в сочинениях большинства теоретиков экономической мысли XVIII и XIX веков. У Адама Смита автономными индивидами движут два природных мотива: своекорыстный интерес и склонность к обмену. У Джона Стюарта Милля людьми руководит стремление к богатству и при этом отвращение к труду и нежелание откладывать на завтра то, что можно употребить сегодня.

Надо заметить, что некоторые ученые уже тогда осознавали ограниченность представления о человеке в экономике как о механистическом рациональном субъекте. В трудах представителя немецкой исторической школы экономической теории XIX века Б. Гильдебрандта, человек «как существо общественное, есть, прежде всего, продукт цивилизации и истории. Его потребности, образование и отношение к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одними и теми же, а географически и исторически беспрерывно меняются и развиваются вместе во всей образованностью человечества». Торнштейн Веблен считал, что людьми в экономических поступках движет вовсе не рациональный расчет, а стремление к повышению социального статуса, далеко не всегда рациональное, и зависящее от того, в каком культурно-историческом контексте это происходит.

Однако сторонники «антропоцентрической экономики» всегда оставались в меньшинстве, и в общественном сознании четко укрепилась мысль о том, что экономика – это поле, в котором главный мотив людей и организаций – максимизация своей прибыли, независимо от того, какие именно это люди и организации, в какой стране они находятся и какое мировоззрение разделяют.

ЭТО НЕ БАГ, ЭТО ФИЧА

Опровергать эти абстрактные теории стало возможно с накоплением экспериментального опыта психологии.

Во-первых, рациональному принятию решений сильно препятствует само устройство человеческой психики. Так, еще в 1960-е годы психологи обнаружили доказательства удивительно мощного влияния ситуаций на поступки людей, эффект «мухи и слона», где муха – это рациональный мотив и причины поступка или решения, а слон – ситуационная ситуация. Все мы знакомы с этим эффектом. В одном из рассказов Конан-Дойла о Шерлоке Холмсе великий сыщик поясняет Ватсону, почему он не внес в список подозреваемых даму, которая очевидно сильно нервничала, отвечая на его вопросы – у нее просто был не напудрен нос. Самая незначительная деталь, сказанное «под руку», интонация собеседника, внезапная смена настроения часто способны повлиять на поведение человека, перевесив все рациональные и давно обдумываемые аргументы.

Кроме психологических особенностей, серьезно влияют на экономическое поведение человека мировоззренческие установки. Например, существует интересная игра «Ультиматум». Ведущий предлагает двум игрокам некоторую сумму денег. Первый игрок должен поделить деньги со вторым, но, если второго не устроит предлагаемая ему доля, они оба вообще ничего не получают. В соответствии с логикой «Экономического человека», второй участник должен был бы соглашаться на любую, даже самую маленькую сумму, иначе он не получит вообще ничего. Однако практика показала, что такие отказы происходят очень часто – предложение слишком маленькой суммы второй игрок воспринимает как неуважительное или оскорбительное к себе отношение и решает лучше вообще лишиться денег и заодно не дать возможность их получить первому игроку. В экспериментах с участием американцев чаще всего соотношение оставляемой и предлагаемой доли составляет 7:3, то есть «уважительным» считается предложение «войти в долю» на условии одной трети. А вот в России, согласно данным экспериментов 90-х годов, чаще всего игроки делили деньги пополам: то есть наши соотечественники

были готовы отдать половину, опасаясь, что любое другое предложение будет отклонено. Второй участник отказывался от денег и лишал партнера возможности их получить, если дележ «несправедлив». Тут сразу можно вспомнить пословицы «Выколю себе глаз, пусть у тещи будет зять кривой». В рамках теории рационального поведения такие поступки вообще выглядят абсурдными, между тем в жизни мы постоянно встречаем ситуации, где люди отказываются от прямой выгоды, если в противоречии с этим входят чувства самоуважения, справедливости, обиды и многие другие неэкономические сущности.

Любопытно, что даже в рамках самой формально-логической теории игр можно опровергнуть тезис о рациональности эгоистического индивидуализма. В результате ряда экспериментов было получено доказательство, что при наличии коллективного интереса преимуществами обладает комплексная стратегия, основанная одновременно на конкуренции и кооперации, а также принципе разделения «своей-чужой», – то есть на кооперации со «своими» и конкуренции с «чужими», по сравнению с чисто конкурентными стратегиями.

БАНАЛЬНОСТЬ БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Почему вообще эти теории имеют для нас какое-то значение? Не все ли равно, какие идеи разделяли деятели эпохи «машин и пара», и какие красивые конструкции строят математики, описывая абстрактных игроков-конкурентов? К сожалению, теоретики виноваты в том, что запускают в обиходное сознание людей «вирусы» якости простых идей. Не надо читать Адама Смита, чтобы знать, что «бизнес есть бизнес». Однако, рассказывая о том, что только личное благо есть путь к благу общему, адепты этих теорий забывают, что сверхцели могут быть достигнуты лишь в результате сотрудничества и готовности работать не только на личную выгоду. Нельзя летать в космос, изучать океан и искать лекарства от рака, исходя только из сиюминутных задач получения прибыли. Более того, это даже и вредно, так как может привести в перспективе к экономическим потрясениям и переменам на устоявшихся рынках.

Еще одно печальное последствие таких идей – атомизация общества. Потому что рационально и безжалостно конкурировать можно только с «чужими», ведь к «своим» так не относятся даже преступники. «Экономический человек» тем успешнее, чем меньше вокруг него тех, на кого он смотрит, как на людей, а не на абстрактных конкурентов. Потому у нас так и процветает клановость и кумовство – пусть в таких примитивных формах, но все же люди предпочитают быть вместе с кем-то. Небольшой коллектив или группа, объединенная общими интересами, – серьезное препятствие для идей всеобщей конкуренции, «войны всех против всех».

Но дело не только в ограниченности теорий экономического человека. Идея внеморальности экономической деятельности, выноса за скобки всего, кроме выгоды и рационального расчета, опасна гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Лицемерие, обман и маленькие предательства, которые ежедневно происходят в больших корпорациях, потому что «тут зарабатывают деньги, а не занимаются благотворительностью». «Халтура» вместо культуры. «Почему ты такой бедный, если ты такой умный?» Привыкая к этой реальности, легко оправдать все некими абстрактными правилами рынка, где нет места размышлениям, что хорошо, а что плохо.

В отличие от теории, в жизни безразличные решения – потому что «так принято», «это просто работа» и «не мы такие – жизнь такая» – приводят не только к абстрактной личной выгоде, а к вполне реальным бедам. А отношение к другим людям просто как к средству для «выигрыша» – главная беда всей современной экономики.

«Люди могут заниматься преследованием своих собственных интересов без опасения, что это нанесет ущерб обществу, не только из-за ограничений, предписанных законом, но также потому, что сами они являются продуктами ограничений, вытекающих из морали, религии, обычаев и воспитания». И это не цитата какого-нибудь философа-утописта, а слова родоначальника рыночной экономики – Адама Смита. Его последователи подобные идеи о моральных и воспитанных предпринимателях из своих теорий выкинули за ненадобностью. Как коротко и ясно заявил два столетия спустя Милтон Фридман, единственный долг фирмы перед обществом – максимизация прибыли. Как в реальной жизни себя ведут не просвещенные предприниматели, а реальные «экономикусы», россияне знают не понаслышке. Причем на рынке сражаются между собой в борьбе за кошелек потребителей не только предприниматели-конкуренты. Вот свежий пример из этого ряда. Рабочие локомотивного депо в Москве вступили в драку с применением травматического оружия со своими потенциальными конкурентами, которые направились в депо, чтобы устроиться на работу за меньшую зарплату. В результате четыре человека получили ранения. Конкурентная борьба во всей красе.

Новый учебный год: старые и новые инициативы власти

«Размышления о моменте» экспертов Центра проблемного анализа

Обнаруживается ряд направлений современной эрозии системы образования. Первое — это катастрофическое недофинансирование. В России на образовательные цели тратится не более 4% бюджета, в то время как ведущие европейские страны отводят на финансирование этой сферы более 8% государственных средств. В Финляндии этот показатель и вовсе превышает 16%. У нас на образование идут крохи. Это подталкивает национальную образовательную систему к коммерциализации. Началась разработка так называемой программы модернизации российского образования. Основной концепт этой программы — перевод всей системы на платную основу.

Сейчас практически реализуется нормативно-подушевое финансирование образования: сколько школьников — столько и денег. В результате уже инициирован процесс закрытия недоукомплектованных сельских школ по всей территории России. Как ответ на эти нововведения возник феномен «мертвых душ». В неблагополучных дотационных регионах страны к школам приписывают подростков-беспризорников, которые находятся в бегах и давно уже забыли дорогу к «разумному-доброму-вечному». Между тем, не надо разбираться в экономике, чтобы понимать, что школа должна финансироваться в полном объеме независимо от количества обучающихся в ней школьников. Каждая из школ должна иметь необходимое оборудование для нормального инфраструктурного функционирования.

Сегодня уже фактически начат процесс латентного перехода на систему платного образования. Такие предметы, как ИЗО, музыка, иностранные языки, спортивные дисциплины финансируются на четверть из кармана родителей.

Сложившаяся в российском образовании ситуация прямо противоположна всем мировым трендам. Так, Япония уже в этом году полностью переходит на всеобщее бесплатное не только среднее, но и высшее профессиональное образование. К 2012 г. такой ориентир наметила для себя Южная Корея. Германия планирует к 2020 г. иметь лишь 10% коммерческих мест в университетах. Что касается средней школы, то платное среднее образование во многих европейских странах просто запрещено. Там основной функцией школы является воспитание и образование подрастающего поколения, а вовсе не получение дивидендов. Школа не рассматривается как коммерческое предприятие. Современная российская рецептура противоречит в этом отношении мировому опыту.

Ещё одно направление подрыва российской образовательной системы — неверно выбранный ориентир, связанный с болонским процессом. 2010 г. — это последний год, когда мы ещё набираем в вузы специалистов. Со следующего года Россия переходит к двухступенчатой системе бакалавр-магистр.

Избранный в качестве целевой установки российских реформ ориентир западного образования вызывает серьезные сомнения. Образовательная система Запада весьма далека от идеала. Спорно даже само ее позиционирование в качестве лучшей из мировых образовательных систем. Минимум дважды в течение двадцатого столетия американская общественность признавала низкое качество западного образования. Первым катализатором такого рода образовательной саморефлексии послужил запуск в 1957 г. в СССР искусственного спутника Земли. Предпринятый в США экспертный анализ американского отставания в освоении космоса привел к заключению, что причиной тому являются качественные преимущества советской школы.

Следующей демонстрацией перед Западом несовершенств его образовательной системы явились технологические успехи Японии. В 1983 г. в докладе штатовской комиссии по проблемам образования прозвучало опасение: «Нация в опасности!». «Мы, — говорилось в обнародованном документе, — заявляем американскому народу, что долгое время можно было гордиться вкладом наших школ и колледжей в развитие США и благоденствие людей. Однако в настоящее время качество образования серьезно снизилось, что несет угрозу будущему государству и народу... Мы совершили акт безумного образовательного разоружения... Мы растим поколение американцев, неграмотных в области науки и техники». И именно эта система должна заменить российскую школу, которая признавалась и США и Европой более совершенной.

В рамках существовавшего в СССР специалитета, специальное обучение соответствующей профессии велось в течение всего срока обучения (5 лет — для дневной и 6 — для заочной формы). Преподавание фундаментальных общеобразовательных дисциплин было связано с направлением профессиональной подготовки. Внедряемый на ос-

нове Болонской системы бакалавриат вообще не ориентирован на овладение конкретной специализацией. Подготовка ведется по профессиональному направлению и заключается в усвоении ряда стандартизированных приемов и правил. В усвоении этих стандартов и заключается суть обучения бакалавра. Специализация дипломированного специалиста начинается фактически с первого курса. Обучение же бакалавра — это обучение вообще без специализации. Только на уровне двухгодичной магистратуры учащийся овладевает специализированными навыками конкретной профессии.

В целом бакалавр, в отличие от специалиста, не представляет собой уникального, с профессиональной точки зрения, продукта высшей школы. Функции бакалавра определяются задачами поддержания системы. Задачи же подготовки на уровне специалитета этим не ограничиваются. От специалиста требуется, кроме того, осуществление инновационных проектных разработок. В российской образовательной традиции функции бакалавра возлагались на выпускников техникумов. В этом смысле бакалавризация высшего образования есть, применительно к условиям России, снижение планки до уровня средне-профессионального образования по типу советских техникумов.

Европейские страны совершенно иначе включаются в болонский процесс. В Германии бакалавриат признан только как одна из возможных образовательных схем. И даже при этом немцы говорят о фиаско этой системы. В немецкой прессе довольно часто появляются обличительные статьи, в которых констатируется несостоятельность бакалавров как профессионалов. «Бульдозером по университету», — пишут немецкие газеты об интеграции Германии в Болонскую систему...

Ещё один удар по российскому образованию — это разрушение советской системы педагогики. Индикатором здесь выступает введение всеобщей системы тестирования. Проблемное обучение, которым всегда было сильно российское образование, замещается механическим. Задача теперь заключается не в том, чтобы понять и объяснить явление, а в запоминании некоей совокупности фактов. В школах и вузах в соответствии с установленными критериями происходит «натаскивание» на решение тестовых занятий. Стоит ли говорить, что задача развития логического мышления при данной проверочной системе совершенно не решается. Развивается исключительно механическая память. Формируется человек с набором готовых зазубренных ответов по каждой из обозначенных в образовательных программах дидактических единиц (это в идеале). Рассудочное осмысление установленных фактов — истин не предполагается. Такого рода человеческий типаж в наибольшей степени соотносится с парадигмой «нового мирового порядка». Выхолащивается наиболее сильная качественная сторона советских учащихся — умение постигать сущность проблемы и находить нестандартные способы решений.

Через механизм тестирования разрушается классическая модель педагогического процесса. Классикой педагогики, как известно, является триединая задача образования — обучение, воспитание, развитие. При универсализации тестового контроля воспитание и развитие выводятся за рамки новой системы организации учебной деятельности. Остается лишь функция обучения. При этом обучающая целевая установка в классической педагогике раскладывается на задачи овладения учащимися знаниями, умениями и навыками. Но ни навыки, ни умения, естественно, проверке в системе тестовых заданий не подлежат. Да и знания даются в весьма урезанном виде, как знания фактов.

Сама по себе кампания введения ЕГЭ по своей сути незаконна. По сей день отсутствует государственный стандарт среднего образования. Что должен знать учащийся? Ни в одном из нормативных документов нет на этот счет четкого определения. Все эти тесты единого государственного экзамена берутся с потолка. Сегодня тесты одни, завтра — другие. Никакого стандарта не существует. В принципе, в этой ситуации граждане вполне могут обращаться в суд и оспаривать результаты тестирования.

Само слово «образование» этимологически происходит от слова «образ». В России оно всегда было связано с воспитательными, более того, идеологическими функциями. Такая модель школы сформировалась отнюдь не при большевиках. Церковно-приходские школы имели ту же целевую установку.

Традиционная коммуникация по линии «ученик-учитель» предполагала наличие духовной связи. На Западе исторически утвердилась другая мо-

дель образования — клиентная. Сегодня характерная для Запада модель клиентных отношений экстраполирована в Россию. Уже номинировано понятие «образовательные услуги». Коль скоро учащийся выступает в качестве клиента, то право воспитания его у учителя отсутствует. Любое педагогическое воздействие может быть оценено в этой связи как нарушение прав ребенка на свободу личностного выбора. Оно противоречит самой логике образовательного сервиса. Отсюда педагогические новации. Так в начальной школе полностью ликвидируется практика выставления оценок. Цель столь странного нововведения — не травмировать психику ребенка применением по отношению к нему оценочных характеристик.

Кратко процесс, который происходит в современной российской школе, можно обозначить так — оглушение нации. Ни Пушкин с Толстым, ни Ломоносов с Менделеевым в новой российской школе появиться не могут.

С. Г. Кара-Мурза:

1 сентября этого года встречаю с плохими предчувствиями. Президент Медведев утвердил очень важный документ — Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа».

Название очень многозначительное, речь идет о создании новой школы, о таком реформировании, которое приведет к ее принципиальному изменению. Когда власть начинает преобразовывать какой-то жизненно важный общественный институт, возникают небывалые угрозы.

Само понятие «новая школа» означает, что предполагается ликвидировать в России ту школу, которую мы до сих пор имели, и построить на ее месте принципиально иную систему. Примерно так, как поступили с колхозами и отправили сельское население с мотыгами на их «частные» подворья. Это тоже была национальная инициатива — «Наше новое сельское хозяйство». Точно так же устроили «Наше новое лесное хозяйство», и результат не заставил себя ждать...

Похоже, что за туманными рассуждениями о дизайне парт и школьном Интернете таится угроза для сути той школы, которую Россия выстроила за последние сто лет. За 20 лет реформ мы ни разу не получили от власти ясного ответа на вопрос, зачем надо менять тип прежней школы и что мы получим на выходе. Ведь изменить собираются едва ли не главный, проросший во все российское общество и в наши народы институт, который воспроизводит Россию. Школа — это генетический механизм культуры, она передает каждому новому поколению детей и подростков основные созданные и отработанные в этой культуре смыслы, тип знания и мышления, навыки быть членом этого общества.

Даже очень незначительное изменение в генетическом механизме называется мутацией. Здесь же речь идет о смене типа школы. Ответственная часть общества должна задуматься над тем, какой будет эта «мутация», что из себя будут представлять дети, прошедшие эту новую школу, чем они будут отличаться от прежних людей. Можно ли хоть приблизительно предсказать результаты подобных мутаций? Недаром начата 20 лет назад реформа школы породила тот глухой, но непримиримый конфликт, который расколол наше общество.

Большая масса людей пытается реконструировать доктрину этой реформы, понять ее замысел. Сейчас для этого появился материал, приоткрывающий суть. Вниманием в смысл выступлений Президента по данной теме, хотя он и скрыт под наслоениями добрых пожеланий. Позволяет ли изложение доктрины «Нашей новой школы» трактовать ее как отход от принципов единой и общеобразовательной школы? На мой взгляд, да, и для этого есть веские основания.

Во-первых, в этой доктрине не подтверждено намерение следовать этим принципам, в то время как в ходе реформы виден последовательный отход от этих принципов на практике. Это и создает обстановку тлеющего конфликта.

Во-вторых, ряд заявлений Президента Д. А. Медведева нельзя истолковать иначе как намерение радикализировать эту реформу. В своем изложении доктрины 4 февраля 2010 г. он сказал: «От стандартов, содержащих подробный перечень тем по каждому предмету, обязательных для изучения каждым учеником, будет осуществлен переход на новые стандарты... Школа должна стать более самостоятельной в составлении индивидуальных образовательных программ... В любой образовательной программе будет две части: обязательная и та, которая формируется школой». Но это и есть отказ от принципа единой школы.

Школа будет теперь составлять индивидуальные образовательные программы, что и произошло

при разделении западного образования на массовое и элитарное. Для них нет единой программы, программы разных коридоров различаются очень сильно.

А вот два высказывания из разных заявлений, но дополняющие друг друга: «Программы обучения старшеклассников будут увязаны с дальнейшим выбором специальности... Мы должны всячески стимулировать таланты. Особенно важно это делать в тот период, когда происходит профессиональное становление таких детей».

Здесь сформулирован принцип ранней профессионализации как альтернатива общеобразовательной школе. Что значит «программы, увязанные с выбором специальности»? Одно дело – очень небольшое число спецшкол (художественных или математических), другое – принцип создания «Нашей новой школы». Какое может быть «профессиональное становление детей»? Нормальный ребенок, фантазируя на тему «кем быть», за школьные годы перебирает с десяток профессий, и, даже поступая в вуз, еще не осознает окончательно своего призвания. Условием его свободного развития и является характер школы как единой и общеобразовательной. В этом и была сила нашей школы, здесь – исток той любви, которую к ней испытывали многие поколения.

Меня насторожила и такая фраза Президента: «Результат образования – это не только знания по конкретным дисциплинам, но и умение применять их в повседневной жизни». Раньше это воспринималось как банальная житейская мудрость. Мол, знание закона Ома поможет рассчитать сечение проводки. Но сейчас это звучит как принцип: одним – знание дисциплин (закона Ома, тригонометрии и пр.), а другим – умение применять знания в повседневной жизни. Это был и есть лозунг разделения школы на два коридора. Фраза, буквально взятая из классической монографии «Школа капиталистического общества».

Угрозу я чувствую и в таком намерении: «Мы введём мониторинг и комплексную оценку академических достижений ученика, его компетенций и способностей... Работа с одаренными детьми должна быть экономически целесообразной». Это – технократическая утопия, сегрегация детей согласно измерению их способностей. Нет такого инструмента! Это страшная инициатива.

И, наконец, главный принцип: «Готовиться к условиям жизни в высококонкурентной среде, то есть уметь бороться за себя... Каждый человек сам должен заниматься своей карьерой, думать о своём будущем и исходить из того, что ему придётся конкурировать с другими людьми. Это некая смена парадигмы, в том числе образовательной. Думаю, что мы действительно должны в известной степени поменять наши установки, может быть, даже и ценностные установки на эту тему».

Россия, Россия, куда ты катишься...

С. С. Сулакшин:

Каждый раз, когда мы с коллегами размышляем на этот вопрос, мы вынужденно попадаем в коридор оценок, носящий негативный характер. Видимо, это объективно, потому как страна следует какой-то тотально ошибочной, нежизнеспособной модели. И следует не случайно – это в значительной степени системный проект, точнее антипроект, реализующийся во многих сферах жизнеустройства страны, в чём мы каждый раз убеждаемся.

Сегодняшняя тема, связанная с днём знаний – первым школьным днём, вновь вводит ум, эмоции, настроение в этот коридор негативных оценок. Тем более хочется сопротивляться этому не самому радостному настроению, тем более хочется увидеть некие важные позитивные, неманипулируемые, неистребимые вещи в жизни нашей страны.

Но начну я всё-таки с другого. В конце 1950-х гг. прошлого века в США вдруг с ужасом обнаружили, что СССР, как мировая держава, как равнозначная Западу цивилизационная сущность, опережает Америку в развитии. Специалистам было очевидно, что Советский Союз выиграл тяжелейшую войну, восстановил колоссальные разрушения, сделал рывок в развитии, создал высочайшие технологии – атомную энергетику, ядерное оружие, ракетную технику, вышел в космос. И первой основополагающей рефлексией американских стратегов и руководителей на это отставание от СССР стало стремление изменить систему, содержание и качество американского школьного образования. Вносились изменения и в структуру высшего образования, и в систему научных лабораторий, но школа имела первостепенное значение. И этот исторический факт заставляет понять, что школа, учитель, знание – это первый опыт маленького человека, входящего в мир; его личностные накопления – это не только образовательный фактор, но фактор также и цивилизационный, фактор успешности страны в целом. Это подводит к пониманию масштаба современного плачевного состояния российской школы. Тренд развития, те установки, которые дают России высшие лица, та программная деятельность, которую осуществляет Министерство

образования и науки и министр Фурсенко – это совершенно не случайные, абсолютно системные действия. Понимание этого вытекает как раз из приведённого исторического примера. Только вот пример США, желавших вырваться вперёд по образовательным потенциалам, был со знаком плюс. А в России все точно наоборот. Как будто белены объелась и губит свою школу Россия. Вопрос сейчас, очевидно, стоит так же, как и в Америке 1950-х. Но ответ на него другой. Применительно к манипулируемой и подчинённой России вполне «логично» именно в этом сегменте жизнеспособности страны дискредитировать, исказить, вырвать исторические цивилизационные корни и традиции, сломать потенциалы русской педагогики, русской школы, межпоколенческой эстафеты. Такая формула непротиворечиво объясняет и интерпретирует все абсурдные, на первый взгляд, факты, которые мы наблюдаем, анализируя участь, постигшую российскую школу.

Что это за факты? Самый удивительный из них – известная цитата: «Важно, чтобы ребёнок для школы был не дополнительной обузой, а источником её финансового благополучия, материального достатка её работников». Так сказал Дмитрий Анатольевич Медведев в своей предвыборной речи в 2008 г. в Красноярске. То есть школа – это не общественный, государственный, цивилизационный институт для воспитания личности, для формирования нравственного, цивилизованного, патриотичного россиянина, а цех для выкачивания финансов из родителей ученика, цех, для которого основной целью является его финансовое благополучие. Коммерциализация, распространяемая в стране по всем направлениям, начиная со школы, заканчивая искусством, наукой, – это та самая бацлла политической «сибирской язвы», которая заражает всё пространство, которое мы сегодня анализируем. В храм возвращаются менялы?

Что происходит в этой связи? Количество школ сокращается. Объясняется это демографическим спадом. Но совершенно ясно, что волна отрицательной динамики пройдёт, и в школы придёт поколение баби-бума 2000-х. Будут ли тогда затрачены колоссальные средства на восстановление и строительство новых общеобразовательных учреждений? Неужели ничему не научил опыт 1990-х годов по ликвидации детских садов?

Учитель, когда-то являвшийся одним из самых уважаемых членов общества, унижается. Унижается и зарплатой, и культивируемым отношением к нему учеников. Учитель превращается в гувернёра, поскольку развивается система частных школ – лицеев, гимназий, особых заведений, куда учеников возят на личных автомобилях, либо на школьных автобусах, покрашенных в желтый цвет – символ следования американским канонам во всем. Директора, завучи и прочие руководители озабочены единственной проблемой – откуда взять деньги, каким оброком обложить родителей, как не попасться на злоупотреблениях – и это тоже элемент снижения престижа профессии. Профессия педагога так и не превращается из чисто женской профессии хотя бы в сбалансированную, а уж тем более в мужскую (кстати, исконно мужскую). И это тоже индикатор общественной оценки педагогической деятельности.

В старой школе, которая является первой моделью мира для маленького человечка, многое поменялось. Говоря о воспитательной, педагогической основе русской, советской школы, можно увидеть, что коллективное воспитание в виде походов, секций, внеклассных мероприятий практически исчезло. Сотрудники школ, состоявшие раньше в должностях пионервожатых, секретарей комсомольских организаций, на самом деле являлись воспитателями. Да, та модель была подчинена тоталитарной партийной системе, но в её объективном содержании заключалась организованная структура воспитательного процесса. Сегодня ничего подобного в виде каких-то детских организаций, первого социума для ребенка, просто нет. Есть, конечно, отдельные секции, но вопрос оплаты существенно ограничивает их возможность охвата подрастающего поколения и искажает сам смысл существования этих организаций. Такая школьная дисциплина, как труд, фактически исчезла. Раньше школьники приобретали на этих уроках профессиональные навыки и, что более важно, осознавали само значение труда в жизни человека. Устраивались субботники, организовывался сбор металлолома, макулатуры, ремонт и благоустройство школы, действовали тимуровские команды – это была реальная общественная деятельность. Сегодня этого нет. Больше того, имеет место официальное выхолащивание предмета трудового обучения, оно ограничивается лишь обучением неким профессиональным навыкам. Происходит полное исчезновение общечеловеческого смысла реального труда, которым ребяташки в школе могли бы заниматься. Идёт заметная эрозия российской школы, учебных материалов. Это настоящий подрыв важнейшей образующей государство структуры.

О вузах уже было сказано. Конечно, ЕГЭ – это

идеальный механизм утраты основных смыслов образования. Неясно, как теперь будет происходить социализация человека, превращение его в личность. Причём здесь необходимо отметить и ещё одно обстоятельство. ЕГЭ, сказываясь на уровне подготовки выпускников, является ещё и хитро спроектированным глобальным механизмом. Если система выпускных и вступительных экзаменов в какой-то мере была раньше настроена на отбор лучших, наиболее талантливых людей, действительно стремящихся продолжить своё образование, если раньше она способствовала формированию высококвалифицированных кадров, эшелона грамотных, талантливых, креативных граждан страны, то теперь она способствует лишь распространению коррупции. ЕГЭ – это авантюра под лозунгом «Коррупцию из вузов – в школы!». Под лживым прикрытием – борьбы со взяточничеством в университетах, шанса для ребят из отдалённых уголков России выучиться в столичном вузе – создана провальная система образования. Результаты первых лет эксперимента показывают, что качество знаний первокурсников-бюджетников значительно снизилось! И произошло это по той причине, что не самые способные были отобраны на эти места, но те, чьи родители имеют возможность купить высокобалльные аттестаты. Таким образом, создан глобальный механизм, который не выполняет своих функций отбора лучших для формирования высококвалифицированных кадров, при этом ещё и коррумпируя школьное образовательное пространство. К этому можно добавить, что в вузах также осуществляется реализация медведьевской формулы, когда студент становится источником дохода для преподавателя и платит за сдачу зачётов и экзаменов, а бюджет при этом может зарплату профессорам вузов и не повышать. Очевидно, что строится новая коррумпируемая модель, нацеленная на деградацию в целом национального интеллектуального эшелона. Это далеко не временная ошибка, это системное строительство, навязанное стране и угрожающее её национальной безопасности.

Выводы глобальны. Модель страны в части школьного образования, как и образования вообще, нежизнеспособна. Она должна быть изменена, и чем скорее – тем лучше.

Теперь хотелось бы исполнить обещание и отметить несколько позитивных моментов, найти элементы надежды, точку опоры. Итак, рождается человек. Это чистый, светлый ребёнок, рожденный для высокого духовного человеческого бытия. Прежде всего, он входит в семью – его воспитанием занимаются родители, дедушки-бабушки. Этот очаг, эта структура пока что самостоятельна. Она тоже подвергается атакам ядовитых стрел «реформирования» и «модернизации», но пока ещё держится за счёт крайне консервативного начала. Именно в семье ребёнок получает первые представления о добре и зле, о стране, её героях, её истории. Малыш обретает некое национальное самосознание, слушая русские сказки, которые ещё не все пересказаны на зарубежный лад. Ещё не все колобки и зайчики превратились в покемонов, микки-маусов и скелетонов. Эта среда – словно гарантия некоего основополагающего твёрдого начала, ресурса, сохраняющегося в поколениях, естественным образом защищённого от реформ и реформаторов. Со вступлением в детский сад или в школу, начинается расширение того пространства, которое влияет на маленького человечка. Но и эти учреждения в достаточной степени консервативны. Всё равно отношения «воспитатель – воспитанник», «учитель – ученик» основаны на традициях. В этих отношениях учитель, прежде всего, исходит из своих представлений, полученных, как правило, ещё в советской школе, в школе традиционной. Каков запас этого консервативного потенциала, этой еще действующей иммунной системы страны? Вероятно, одно-полтора поколения, потому как будущие выпускники педагогических вузов уже вовсю испытывают на себе разрушающее воздействие антироссийского проекта в сфере образования. Лет 10-15 ещё есть, внутренний иммунный механизм в лице учителей, подвижников образования, ещё сопротивляется. Это шанс для страны. Я уверен в том, что Россия выстоит. Российский учитель переживёт это издевательство, а современные политики, герои-управленцы и те, кто не желает включать ни мысль, ни совесть, чтобы противостоять этому разрушению, получат в учебниках истории справедливые оценки. Пока же, объективные оценки их деятельности даём мы, основываясь на системном анализе и стараясь, по возможности, делать это максимально взвешенно и справедливо. Смешно, правда, надеяться, что отдельные чиновники, думающие лишь о собственном благополучии, усвоятся от чьей-либо оценки.

Надо думать, как защитить страну от чудовищных последствий подобных реформ.

Гоблин о милиции

Выражение «моя милиция меня бережет» давно уже стало ироничной присказкой. Никто уже не сомневается в том, что наша милиция требует реформации, перемен и обновления. А вот изменит ли что-нибудь реально проводимая нынче реформа Министерства Внутренних Дел? За разъяснениями обратимся к бывшему оперуполномоченному Дмитрию Пучкову, более известному как Гоблин.

— Давайте сразу определимся: я не представитель МВД, а частное лицо. И выражаю точку зрения этого самого частного лица.

— Вы наверняка следите за тем, как проходит данная реформа? Насколько она, с вашей точки зрения, реальна? Или это формальный акт?

— На мой взгляд, это акт не только формальный, но еще и бестолковый. Как и практически всё, что у нас делается. Так называемая реформа проводится без какого бы то ни было понимания ситуации, без какого бы то ни было желания достичь реальных целей. Все телодвижения сугубо поверхностные (в стиле «а давайте новую форму пошьем — и все наладится»), что не имеет никакого отношения к нашей жестокой действительности.

— А как Вы относитесь к законопроекту Госдумы, согласно которому теперь в милиции не могут служить граждане, имевшие судимость? То есть, раньше уголовники могли спокойно служить в МВД?

— Статья 19 Закона «О Милиции» запрещает брать на службу людей, имеющих или имевших судимость. Уголовник не может и не должен блюсти законность. Когда тебя принимают на службу в милицию, о тебе собирают массу самой разнообразной информации. И не только о тебе, но и обо всех твоих родственниках и даже знакомых, словом, проводится глобальная проверка. Для начала ты сам пишешь, кто у тебя родственник и кем он был, кто он есть и чем занимается, а параллельно о тебе собирают информацию оперативными методами, то есть негласно, беседуя с соседями, чем ты занимаешься, с кем ты дружишь... Раньше в милицию не брали даже тех, у кого есть судимые родственники. И если гражданин в прошлом имел проблемы с законом, а его взяли на службу в милицию, это говорит только о том, что в работе милиции как таковой налицо серьезные системные недостатки.

— Возможно, так было в советское время, а потом, в лихие 90-е, дали некоторое послабление?

— Допускаю. Когда страну накрыл чудовищный вал уголовщины и бандитизма, который наши СМИ кокетливо называют «лихими девяностыми», служить в милиции никто не хотел. Возможно, какие-то требования по отбору кандидатов и снизились, но мне об этом ничего не известно. Человеку, у которого отец или брат судимы, а вся семья пропитана уголовными традициями и нравами, вообще нечего делать в милиции. Но, конечно, одно дело — стабильное советское общество, в котором общественные институты функционировали нормально, а другое дело, когда в обществе начинаются революционные преобразования, когда происходит смешение всех и вся. В такое время в милицию тоже проникает всякая сволочь. Если при приеме на службу проверку делать безалаберно, а проявления непрофессионализма в родной стране теперь повсеместное, то все эти социальные бурления приводят к тому, что на должности попадают самые разные люди. К примеру, если ранее в управление кадров при ГУВД не брали людей ниже майора и без университет-

ского юридического образования, то в конце 1990-х там уже сидели сержанты, мягко говоря, даже без ПТУ за плечами.

Ведь как говорил наш дорогой Иосиф Виссарионович: «Кадры решают всё».

А если люди заняты проблемами личного обогащения, а не несением службы, естественно, наступает бардак. Выход из этого один: железная дисциплина, стоящая на неотвратимости репрессий.

Мы смотрим в прошлое — в чем причины 1937-го года? Именно в этом. Любое социальное преобразование — это жуткое бурление в обществе и абсолютно дикий рост преступности. И люди, которые ответственны за поддержание порядка в обществе, рано или поздно понимают, что надо принимать меры. Вот Владимира Владимировича спрашивают: «Что делать с коррупцией?» Владимир Владими-

рович совершенно здраво отвечает: «Вешать надо... Но это не наши методы».

Если, действительно, по-настоящему заняться наведением порядка, то нужно оглянуться вокруг и задуматься: сколько же народу придется «повесить на столбах?»... То-то и оно.

При этом милиции такие репрессии коснутся в первую очередь. Потому что милиционеры присягу дают. А это, в общем-то, не шутки. Хотя при нынешних призывах не иметь ни чести, ни совести, другого поведения от людей ждать трудно.

В тридцатые годы личный состав НКВД обнуляли трижды, ибо другими способами различных сволочей было не утихомирить. Жестокое время, жестокие меры — поздно прикладывать компрессы, уже надо резать. Замечу — население горячо поддерживало репрессивные меры, проводимые государством. То же самое и сейчас. Если мы действительно хотим с этим бороться, то репрессии неизбежны. Без этого никак. Без этого все эти «реформы» и «борьба с коррупцией» — пустой треп.

— Во время скандала с кредитной карточкой погибшего с польского самолета, которую присвоили себе наши ОМОНовцы, больше всего поразил тот факт, что из этих трех ОМОНовцев, двое были ранее судимы. То есть с некоторой натяжкой, конечно, но можно пред-

положить, что две трети наших ОМОНовцев — бывшие уголовники...

— Ну конечно, а на месте катастрофы милиционеры ходили с пистолетами и выстрелами в голову добивали выживших — про это поляки тоже рассказывали. У них даже правдивые ролики есть. Никто никакую карточку не крал, все это сочиняют вместе с остальными баснями про Катынь. А касательно судимостей сотрудников — ну не на ровном же месте заперевживал Дмитрий Анатольевич, вводя «пять новых законов». Наверняка в сегодняшней милиции есть судимые, в том числе — и в ОМОНе.

— Довольно любопытен один документ, подписанный главой МВД Рашидом Нургалиевым. Называется он «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращений в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений». Если отбросить витиеватость названия, а выразить мысль своими словами, то министр предлагает своим сотрудникам «стучать» друг на друга, «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», а по-простому — берет взятки...

фонарях — не наши методы. В нынешних условиях предполагается действовать иначе: увеличить зарплаты, социальные пособия, чтобы эти самые милиционеры держались за свои должности, боялись увольнения. Сейчас чем можно заманить в милицию? Отпуском в тридцать суток? Пятнадцать тысяч зарплата — и куда ты на эти деньги поедешь в отпуск? Но это никак не отменяет того, что преступивших закон надо карать в соответствии с этим самым законом. И неизбежность кары — важнейший элемент сдержанности граждан.

— Но мы же знаем, что многие милиционеры зарабатывают совсем не этим. Ловить пьяниц каких-нибудь, наркоманов, шмонать их — это тоже своего рода профессия... Взятки опять же...

— Во-первых, шмонать могут далеко не все. Не на каждой должности есть возможность лезть гражданам в карман. И взятки брать могут не все. Ибо взятки тоже дают далеко не всем. Инспектору по делам несовершеннолетних, например, никто не подарит «мерседес». А несовершеннолетние, с которыми он общается, — это чаще всего дети алкоголиков, у которых папа говорит: «Ну, я-то сидел пять раз, пусть пацан тоже посидит, жизнь поймет». Так что если смотреть в целом, милиционеры по уровню благосостояния очень мало отличаются от остального населения — и те, и другие нищие. Но судят о милиции, естественно, по наиболее гнусным представителям — с этим не поспоришь.

Нужны серьезная воля и серьезное руководство для того, чтобы все изменить. А вот когда министр внутренних дел призывает во всеуслышание граждан: «Если к вам милиционер лезет, бейте его!» — как-то возникают большие сомнения в серьезности этого руководства. Или, например, в Приморье какие-то отморожки убивают милиционеров, а практически вся страна в единомудном порыве их поддерживает. Вы смотрели художественный фильм «Храброе сердце»? Там звучит хорошая фраза: «Покушение на английского солдата — это покушение на английского короля». То есть в Приморье убивают представителей государственной власти, а население это одобряет, поскольку эту самую власть население страны ненавидит. А за что ненавидит? На мой взгляд, причины очевидны. И тут закрадывается страшное подозрение: уж не демократические ли реформы тому причиной? Уж не они ли ведут к дикому росту преступности и чудовищному росту коррупции? Может, дело не в милиции? Может, пора уже радикально что-то менять? Ну, пока население не поменяло все само?

— При этом «ментов» — представителей власти — у нас ненавидят, а саму власть в лице Путина и Медведева вроде бы и любят даже. Парадокс?

— Ничего парадоксального. Этот тезис давно известен: царь у нас хороший, бояре — сволочи. Трудно подозревать, что население обладает рациональным пониманием происходящего вокруг. Население смотрит телевизор, телевизор формирует общественное мнение. Показывают политических лидеров в нужном «свете» — значит, население будет считать их хорошими. А все плохое будет приписывать власти на местах.

Так и живем.

vkontakte.ru

ВКурсе - первый журнал ВКонтакте

Дмитрий ЛЫСКОВ

Часть 2. ЦАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Это делало противостояние еще более опасным. Тем, кто ищет причины Гражданской войны в октябре 1917 года, следует задуматься об этом состоянии общества, уже разделенном на два лагеря — шансы на примирение еще сохранялись, но с ходом времени их становилось все меньше. Время не лечило — каждый год, не приносящий разрешения давно назревших вопросов, подтачивал авторитет власти и лишь усиливал моральные позиции революционеров. Их призывы к свержению власти как единственному методу выхода из тупика обретали благодатную почву во всех слоях общества, что и выразилось в феврале 1917 года, когда лишь единицы, буквально единицы, высказались в поддержку императора.

Нельзя сказать, что царское правительство бездействовало. Но там, где гордиев узел назревших противоречий следовало рубить с плеча, оно лишь слегка надрезало, причиняя боль. А скорее предпочитало эволюционные методы, должностующие разрешить вопрос в перспективе.

Сегодня много говорят об экономическом рывке России 1909-1913 годов. Действительно, среднегодовой прирост промышленной продукции составил 8,9%, что только на 0,1% было ниже показателя 1893-1900 гг. А в целом за 1890-1913 гг. объем продукции тяжелой промышленности вырос в 7 раз, в таких же пропорциях выросла переработка хлопка, в четыре раза — производство сахара и т. д.

И в целом не оставляет сомнений, что продолжавшийся промышленный рост повлек бы за собой постепенный рост образования — предприятиям все больше требовались бы грамотные рабочие. Рост образования потребовал бы новых общественных отношений, в перспективе как-нибудь подступились бы и к решению аграрного вопроса — если бы события заставили себя подождать.

Но история не любит ждать опоздавших. О Первой мировой говорят, что она была не нужна России. Это так же верно, как и то, что мнения России в этом вопросе никто не спрашивал. Война была неизбежна, и участие в ней нашей страны закладывалось всей предшествующей внешней политикой. Но страна оказалась не готова.

Война разрушила все перспективные планы, привела к стагнации в промышленности и катастрофе в сельском хозяйстве. К хаосу на транспорте, инфляции, росту цен на основные товары и безудержному росту государственного долга. За годы войны он вырос на 8 млрд руб., достигнув к 1917 году 11,3 млрд руб.

Транспорт не справлялся с перевозками. Предприятия испытывали острую нехватку металла, топлива, сырья. Сельское хозяйство лишилось миллионов рабочих рук. В городах начались перебои с продовольствием.

«Выпуск бумажных денег достиг двойной суммы нашего металлического запаса, поезда приходили с запаздыванием на два часа, хлеб вздорожал на 5 коп. на фунт, и риттиховская разверстка дала лишь половину ожидавшегося подвоза», — вспоминал член ЦК кадетской партии А. С. Изгоев.

В этих условиях правительство предпринимало ряд мер по государственному регулированию экономики. В мае 1915 года было создано «Особое совещание» по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами боевого довольствия. К августу 1915 г. «Особых совещаний» было уже пять: по обороне; по обеспечению топливом путей сообщения (учреждений, предприятий, работающих на оборону); по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов; по продовольственному делу; по устройству беженцев.

Согласно Положению, утвержденному Николаем II 17 августа 1915 г., «Особые совещания» являлись «высшим государственным установлением», имели право требовать содействия всех общественных и правительственных организаций, устанавливать предельные цены, срок и очередность исполнения заказов, налагать секвестр, проводить реквизиции» и т. д. «Особые совещания» имели свои отраслевые органы, такие, как «Металлургический комитет», «Центральное бюро по закупке сахара» и другие.

Практически одновременно с «Особыми совещаниями» были созданы «Военно-промышленные комитеты», которые, являясь объединениями фабрикантов, осуществляли мобилизацию частной промышленности для военных нужд. Правда, до Февральской революции ВПК получили от казны заказы на сумму около 400 млн руб., но выполнили менее половины.

В производстве вооружений к 1916 году удалось добиться определенных успехов, но одновременно с милитаризацией промышленности вызревала новая проблема — стремительно рушился товарный рынок, в частности — рынок продовольствия.

В 1914-15 годах в России появилась карточная система распределения продовольствия. В 1915 году правительством были установлены «твердые цены» на хлеб. В 1916 году была введена продрозверстка, или «риттиховская разверстка», по имени министра земледелия А. А. Риттиха. Впоследствии уже Временное правительство, продолжая попытки урегулировать снабжение городов продовольствием,

установило хлебную монополию, нормы потребления для крестьян, предписывая сдавать все продукты сверх нормы государственным закупщикам. В деревни отправились первые вооруженные отряды.

Говоря о действиях большевиков в 1917-1918 гг. и далее, очень важно выделить проблемы и пути их разрешения, доставшиеся им в наследство от предыдущих властей, и проблемы, созданные самой молодой Советской властью. К сожалению, современная «массовая история» склонна все беды, неудачи и непопулярные меры по их преодолению приписывать исключительно большевистскому перевороту, что мало соответствует истинному положению вещей. Многие процессы зародились задолго до Октября, они развивались по нарастающей еще при царской администрации, затем при Временном правительстве и достались большевикам в динамике, далеко не достигнув своего пика.

Тем важнее проследить историю их зарождения и развития.

Говоря об экономике, мы сосредоточимся преимущественно на продовольственной проблеме по ряду причин: прежде всего, тенденции, породившие острую нехватку продуктов питания в Российской империи 1914-1917 гг., являлись общими для всей экономики, а продовольственная проблема втягивала в свою орбиту и вопросы транспортного сообщения, и ценообразования, и многие другие. Соответственно и методы ее разрешения в значительной мере являлись для царского правительства стереотипными, аналогичные им принимались во всех остальных сферах. Таким образом, продовольственная проблема может служить для нас отличным примером процессов, происходящих в других секторах экономики.

Во-вторых, нехватка продовольствия являлась одной из самых резонансных для общества тем обсуждения периода войны. На основании анализа газетных публикаций нетрудно проследить, как реагировало общественное мнение на возникшие трудности и как воспринимало предлагаемые правительством меры по их разрешению.

Наконец, именно продовольственная проблема явилась непосредственной причиной восстания в Петрограде 1917 года, ставшего прологом Февральской революции. Впоследствии же, по мере стагнации и развала промышленности, борьба за хлеб стала одной из главнейших задач власти.

Все это заставляет выдвинуть продовольственную проблему на первый план в анализе экономических процессов рассматриваемого нами периода.

Глава 9. 1914-1917 гг.: Продовольственный кризис

О продовольственном кризисе, разразившемся в годы Первой мировой войны в России, нам преимущественно известно как о перебоих с поставками хлеба в крупных городах, в основном в столице, в феврале 1917 года. Существовали ли подобные проблемы ранее и сохранились ли они позже? Если дальнейшим усилиям Временного правительства по снабжению городов продуктами первой необходимости просто уделяется мало внимания, то работы, посвященные возникновению и развитию продовольственного кризиса в царской России можно пересчитать по пальцам.

Закономерным результатом такого бессистемного подхода является представление о внезапно возникших перебоих в феврале 1917 г. и полном крахе снабжения и разрухе после Октябрьской революции как о разных, не связанных между собой явлениях. Что, конечно, оставляет широкое пространство для самых крайних трактовок. Существует ряд работ, где доказываются, что «хлебный бунт» в Петрограде зимой 1917 года явился результатом заговора, умысленного создания дефицита с целью вызвать народные волнения.

В действительности продовольственный кризис, вызванный рядом как объективных, так и субъективных причин, проявился в Российской империи уже в первый год войны. Фундаментальное исследование рынка продовольствия этого периода оставил нам член партии эсеров Н. Д. Кондратьев, занимавшийся вопросами продовольственного снабжения во Временном правительстве. Его работа «Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции» была издана в 1922 году тиражом в 2 тыс. экземпляров. Переиздана она была лишь в 1991 году, и сегодня, благодаря массе приведенных Кондратьевым данных, мы можем составить впечатление о процессах, происходивших в империи в период с 1914 по 1917 гг.

Материалы анкетирования, которое проводило «Особое совещание» по продовольствию, дают картину зарождения и развития кризиса снабжения. Так, по результатам опроса местных властей 659 городов империи, проведенного 1 октября 1915 года, о недостатке продовольственных продуктов вообще заявили 500 городов (75,8%), о недостатке ржи и ржаной муки — 348 (52,8%), о недостатке пшеницы и пшеничной муки — 334 (50,7%), о недостатке круп — 322 (48,8%).

Материалы анкетирования указывают общее число городов в стране — 784. Таким образом, данные

«Особого совещания» можно считать наиболее полным срезом проблемы по Российской империи 1915 года. Они свидетельствуют, что как минимум три четверти городов испытывали нужду в продовольственных товарах на второй год войны.

Более обширное исследование, также относящееся к октябрю 1915 года, дает нам данные по 435 уездам страны. Из них о недостатке пшеницы и пшеничной муки заявляют 361, или 82%, о недостатке ржи или ржаной муки — 209, или 48% уездов.

Таким образом, перед нами — черты надвигающегося продовольственного кризиса 1915-1916 гг., который тем опаснее, что данные обследования приходятся на осень — октябрь месяц. Из самых простых соображений понятно, что максимальное количество зерна приходится на время сразу после сбора урожая — август-сентябрь, а минимальное — на весну и лето следующего года.

Рассмотрим процесс возникновения кризиса в динамике — определим момент его возникновения и этапы развития. Другое анкетирование дает нам результаты опроса городов по времени возникновения продовольственной нужды.

По ржаной муке — базовому продукту питания в Российской империи — из 200 прошедших анкетирование городов 45, или 22,5% заявляют, что возникновение недостатка пришлось на начало войны.

14 городов, или 7%, относят этот момент на конец 1914 года.

Начало 1915 года указали 20 городов, или 10% от общего числа. Дальше наблюдаем стабильно высокие показатели — весной 1915 года проблемы возникли в 41 городе (20,2%), летом — в 34 (17%), осенью 1915-го — в 46, или 23% городов.

Аналогичную динамику дают нам опросы по недостатку пшеничной муки — 19,8% в начале войны, 8,3% — в конце 1914-го, 7,9% — в начале 1915 года, 15,8% — весной, 27,7% — летом, 22,5% — осенью 1915 года.

Опросы по крупам, овсу и ячменю показывают аналогичные пропорции — начало войны приводит к недостатку продуктов примерно в 20 процентах опрошенных городов. По мере того, как первые истерические реакции на начало войны стихают, к зиме замирает и развитие продовольственного кризиса, но уже к весне 1915 года происходит резкий всплеск, стабильно нарастающий далее. Характерно, что мы не видим снижения динамики (или видим крайне незначительное снижение) к осени 1915 года — времени сбора урожая и максимального количества зерна в стране.

Что означают эти цифры? В первую очередь они свидетельствуют, что продовольственный кризис зародился в России с началом Первой мировой войны в 1914 году и получил свое развитие в дальнейшие годы. Данные опросов городов и уездов в октябре 1915 г. свидетельствуют о перетекании кризиса в 1916 год и далее. Нет никаких оснований предполагать, что февральский кризис с хлебом в Петрограде явился обособленным явлением, а не следствием все развивающегося процесса.

Интересна нечеткая корреляция возникновения нужды в городах с урожаями, или отсутствие таковой. Это может свидетельствовать не о недостатке зерна, а о расстройстве системы распределения продуктов — в данном случае, хлебного рынка.

Действительно, Н. Д. Кондратьев отмечает, что зерна в период 1914-1915 гг. в стране было много. Запасы хлебов, исходя из баланса производства и потребления (без учета экспорта, который практически прекратился с началом войны), он оценивает следующим образом (в тыс. пуд.):

1914-1915 гг.: + 444 867,0 тыс. пуд.
1915-1916 гг.: + 723 669,7 тыс. пуд.
1916-1917 гг.: - 30 358,4 тыс. пуд.
1917-1918 гг.: - 167 749,9 тыс. пуд.

Хлеб в России, таким образом, был, его было даже больше, чем требовалось, исходя из обычных для страны норм потребления. 1915 год и вовсе оказался весьма урожайным. Дефицит возникает лишь с 1916 года и развивается в 1917 и 1918-м. Конечно, значительную часть хлеба потребляла отоборужившаяся армия, но явно не весь.

Чтобы получить дополнительную информацию о динамике продовольственного кризиса, взглянем на рост цен на хлеб за этот период. Если средние осенние цены на зерно Европейской России за 1909-1913 годы принять за 100 процентов, в 1914 году получаем рост в 113% для ржи и 114% для пшеницы (данные для Нечерноземья). В 1915 году рост составил уже 182% для ржи и 180% для пшеницы, в 1916 г. — 282 и 240 процентов соответственно. В 1917 году — 1661% и 1826% от цен 1909-1913 годов.

Цены росли по экспоненте, несмотря на избыточность 1914 и 1915 годов. Перед нами яркое свидетельство либо спекулятивного роста цен при избыточности продукта, либо роста цен в условиях давления спроса при низком предложении. Это вновь может свидетельствовать о крахе обычных методов распределения товаров на рынке в силу тех или иных причин, которые мы и рассмотрим подробнее в следующей главе.

Продолжение следует...

Александр Рудаков

Отчуждение от истории

Разорвав связь со своим прошлым, страна лишается важнейшей опоры и теряет шансы сохраниться как государство.

Когда в середине 1980-х годов Исторический музей на Красной площади закрылся на реконструкцию, никто не придал этому особого значения. Надеялись, что в скором времени в музей снова придут посетители. Однако ждать пришлось больше десятилетия, а за этот период страна успела разрушиться почти до основания. Только в конце 90-х годов (кажется, в 1998-м) двери музея вновь открылись. И опять каким-то непостижимым образом это событие совпало с окончанием «смутного времени» и началом возрождения государства.

Безусловно, все это может быть лишь серией случайных совпадений. Но аналогия поучительна: страна, потерявшая свою историю, обречена на бесконечную череду кризисов и катастроф. Если же утраченную связь с прошлым удастся восстановить, государство заново обретает историческую опору, а заодно и хороший шанс на будущее.

ЦЕНА ПАМЯТИ

Часто бывает так, что история (вернее, ее официальная версия) во многих странах играет роль государственной идеологии. За примерами далеко ходить не надо: возьмем хотя бы США с их культом «отцов-основателей», войны за независимость, федеральной Конституции. Но нередко концепцию «истории как идеологии» доводят до абсурда. Скажем, в ряде современных государств, в том числе и соседних с нами, основу исторических дисциплин составляют доктрины, создание которых могло бы сделать честь авторам романов в стиле «фэнтези», но никак не серьезным ученым. Социальный заказ здесь оправдывается «государственной необходимостью»: страну, появившуюся на географической карте совсем недавно, соседи могут воспринимать как геополитический курьез.

С другой стороны, право на по-настоящему великую историю – по-прежнему исключительная привилегия сверхдержавы. Тут сама история предстает не просто цепью случайностей и нагромождением фактических данных, но приобретает нравственный и, если угодно, художественный смысл. История становится легендой, героической сагой, в которой неизменно присутствуют предназначение, смысл и цель. Такова американская история, начинающаяся с пилгримов «Мэйфлауэра», переплывших океан, чтобы построить на другом конце Атлантики «сияющий град на холме». Такова и история России, осознавшей себя наследницей Византии.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ

Великая история – это мощнейший генератор творческой социальной энергии. Историческое самосознание до сих пор остается серьезным мобилизующим фактором, концентрирующим в себе эмоциональный заряд огромной силы. Новые открытия и изобретения, успехи в экономике, военном строительстве и даже победы на спортивной арене часто совершаются благодаря «допингу сопричастности» отдельного человека великой исторической традиции.

Однако то, что вдохновляет идеалиста, может создать реальное психологическое напряжение для тех, кто живет по утилитарным и эгоистическим стандартам. Ведь сопричастность к великой истории налагает и определенные ограничения, заставляя соотносить запросы и потребности личного «я» с интересами коллективного «мы». Поэтому-то многие наши соотечественники из числа тех, кто сделал карьеру или нажил состоя-

ние в 90-е годы, не могут избавиться от драматических переживаний: им кажется, что они добились успеха «за счет страны». Выйти из этой ситуации можно по-разному: кому-то удается со временем совместить жизнь «для себя» и жизнь «для Родины», у кого-то это не получается. В последнем случае под сознание неизбежно запускает защитный механизм, направленный на восстановление утраченного равновесия. Возникает внутренняя потребность в аргументах для самооправдания и устранения причин беспокойства, а значит, и в «психотерапевтах от истории», способных убедительно и доходчиво объяснить, что «нет смысла переживать из-за России».

Возможно, именно в этом и кроются причины появления множества книг и телевизионных передач, в тех или иных формах пропагандирующих «альтернативный» (а называя вещи своими именами – нигилистический) взгляд на отечественную историю. Разумеется, в этом вопросе ощущается также явная заинтересованность некоторых зарубежных фондов и «благотворительных организаций». Но не этот фактор является здесь определяющим. Ставка на отказ от великой истории – закономерный выбор тех, кто сделал социальный эгоизм своим жизненным ориентиром. А поскольку таких людей в России достаточно много, то и авторы «альтернативных» концепций, судя по всему, не скоро останутся без работы.

БЕГСТВО ОТ РОССИИ

Нигилистическая «психотерапия» чем-то средни сеанс гипноза, когда человека, получившего психическую травму, заставляют забыть о неприятных переживаниях. И вот стирается историческая память, лишаящая эгоистически настроенного обывателя ощущения психологического дискомфорта. Происходит этот процесс, естественно, неодинаково.

В последнее время немало книг и телепередач представляют русскую историю (или отдельные ее фрагменты) как апофеоз азиатчины и варварства. Обычно такие опусы не содержат ничего нового по сравнению с тем, что было написано про «дикую Московию» еще 300–400 лет назад. Однако встречаются и исключения. К примеру, недавно издательство «Олма-пресс» выпустило книгу «Россия, которой не было», излагающую взгляды некоего Андрея Буровского. Если прежде «отсталую» русскую цивилизацию противопоставляли «передовой» европейской, то теперь схема несколько изменилась. «Агрессивному» и «неразвитому» Московскому князю противопоставляются все остальные русские земли – Новгород, Псков, Киев, Галич. Читателю исподволь внушается мысль, что настоящая, «цивилизованная» и «европейская» Русь находится где угодно, только не в Москве. При этом ненависть автора к «столичным» зашкаливает за все мыслимые пределы. Особенно достается «московскому православию», при описании которого г-ну Буровскому, похоже, с большим трудом удается удержаться от использования ненормативной лексики.

Очевидно все же, что далеко не каждый читатель и телезритель сможет спокойно перенести столь откровенные и не вполне приличные выпады в адрес Русской Православной Церкви и Российского государства. На эту аудиторию рассчитана иная, более «мягкая» и «щадящая» технология. Если угодно, ее суть сводится к растворению пафоса национальной истории в постмодернистской реторике «альтернативных концепций». Большую популярность в наши дни приобрел жанр так называемого исторического расследования, в котором сделан ряд «познава-

тельных» передач на центральных телеканалах. Образцом такого жанра может служить передача Первого канала о битве на Куликовом поле – программа «Искатели», ведущий которой – известный «цивилизатор», любитель «гениев и злодеев уходящей эпохи» Лев Николаев. И что примечательно: передача была показана как раз накануне Дмитриевской родительской субботы – дня особого поминовения усопших, установленного в память воинов, павших во время Куликовской битвы.

Сначала ведущий с легкой профессорской иронией изложил «официальную концепцию», затем с куда большим энтузиазмом рассказал об «альтернативной версии» Фоменко-Носовского, согласно которой никакой Куликовской битвы не было, а была ... «битва на Кулишках», имевшая место якобы в самом центре Москвы. И, наконец, напоследок, упомянул об истории раскопок на самом Куликовом поле, которые действительно пока что не принесли ощутимых результатов. В итоге все имеющиеся точки зрения оказались «объективно изложены», а интересные темы надлежащим образом раскрыты. Вопрос лишь в пропорциях эфирного времени, отведенного на освещение реальных проблем археологической науки, и, мягко говоря, странных теорий математика Фоменко, объявившего данные летописей «выдумкой и фальсификацией». А эффект скепсиса и отстраненности создается с помощью изобразительных средств, выходящих за рамки чистого текста. Это и ироничная интонация, и подбор визуального ряда, и общий эмоциональный фон, на который накладывается текст. Важно, однако, что в результате складывается ощущение какой-то недостоверности того, о чем говорят летописи. «То ли была Куликовская битва, то ли не было ее вовсе», – подумает несведомленный зритель.

Сюжеты, о которых здесь идет речь, представляют собой типичное явление для современного телевидения. Передач, подобных рассказу «Искатели» о битве на Куликовом поле, за год показывают как минимум несколько десятков. И с каждым новым «разоблачительным залпом» в сторону национальной исторической традиции пропасть между прошлым и настоящим становится все глубже.

СБЕРЕЧЬ СВОЕ ПРОШЛОЕ

Между тем отчуждение от истории – далеко не такая безобидная вещь, как могут подумать многие. Не будет преувеличением сказать, что на протяжении веков наше прошлое оставалось «вечным сегодня», а народное сознание воспринимало исторических героев минувших времен почти как своих современников. И даже сейчас Дмитрий Донской и Александр Невский на «шкале психологической сопричастности» нам ближе, чем Наполеон и Карл Великий современному французу, а герцог Мальборо и адмирал Нельсон – нынешнему англичанину. Очевидно, что в наших интересах добиться того, чтобы эта дистанция, по крайней мере, не увеличивалась. И если мы хотим быть самими собой, сохранять традиции и культурное своеобразие, нам следует как можно бережней относиться к своему прошлому.

В современном мире устойчивость государства измеряется не только его экономическим и военным потенциалом, но и множеством других факторов. Национальная история – такой же стратегический ресурс, как нефть и оружие. И лишившись его, страна рискует утратить свой культурный и духовный суверенитет.

www.globoscope.ru

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета «Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за со-

блюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 12 (48) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 07.10.2010 в 08.00 по факту 07.10.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru